

Когда она говорила, уголки её губ слегка приподнимались, отчего подбородок обретал изящный изгиб. Губы её были нежно-розовыми, словно только что распустившийся лотос, и сияли влагой, подобно каплям росы, что катятся по листу. Мне вдруг страстно захотелось лизнуть их, ощутить на вкус эти нежные влажные лепестки. Я сглотнула, но вместо этого лишь глупо разинула рот, позволив ей влить в меня отвар. Неудовлетворённая, я нарочно сказала:

— Горячо.

На следующую ложку Вэй Хуань снова подула несколько раз. Её аромат, словно лодку на волнах, покачивало между нами: вот он уже совсем близко, но никак не причалит к моему берегу. Эта досадная лодка дразнила меня, вызывая зуд в сердце. Я проговорила:

— Дуй сильнее. Мне жарко.

Вэй Хуань велела принести веер, небрежно помахала им несколько раз и снова поднесла ложку. Видя, что она всё не понимает моих намёков, я в досаде сказала:

— Раньше ты сама пробовала. Почему теперь нет?

Вэй Хуань пришлось отпить самую малость. Но я не дала ей сменить ложку, наклонилась вперёд и одним глотком допила то, что осталось у неё во рту. Этот глоток показался мне ещё слаще предыдущего, а нос наполнился её запахом. Желание поцеловать её вспыхнуло с новой силой — если даже отвар, коснувшийся её губ, был так прекрасен, то каков же вкус самих этих нежных лепестков? Если бы я могла прикусить их, сделались бы от этого слаще мои сны этой ночью?

Я не отрываясь смотрела на Вэй Хуань. Она положила ложку и бесстрастно сказала:

— Если не нравится, не пейте.

Я ответила:

— Нравится. Как может не нравиться? Кто сегодня готовил этот отвар? Получилось превосходно. Наградить его куском шелка.

Я взяла чашу и разом осушила её до дна. Но едва отвар хлынул внутрь, как в животе поднялась буря. Я потерпела немного, но не выдержала, согнулась пополам и вырвала. Не успела опомниться, как брызги запачкали рукав Вэй Хуань. Сгорая от стыда, я прополоскала рот, сунула в него несколько ароматных шариков и только тогда вымолвила:

— Этот повар достоин смерти. Почему отвар вызывает рвоту?

Одна из служанок фыркнула, но Вэй Хуань бросила на неё строгий взгляд, и та мгновенно выпрямилась. Вэй Хуань сказала:

— Ты пила так быстро, конечно, вырвало. Но сейчас — лучше, чем среди ночи.

Я согласилась:

— Верно. Этот отвар и впрямь превосходен. Одного куска шелка мало. Наградить его десятью.

Вэй Хуань промолчала, лишь помогла мне подняться и уложила на кушетку. Я всё ещё переживала за её рукав и не сводила с неё глаз. Она сказала:

— Я сама переоденусь. А ты пока закрой глаза и полежи. Позже разбужу.

Только тогда я растянулась на кушетке. Хмель ещё не отпускал, и спалось тревожно. Мне чудилось, будто в носу всё ещё витает её аромат. Я, не открывая глаз, позвала:

— А-Хуань... А-Хуань...

Вэй Хуань отозвалась:

— Я здесь.

И взяла мою руку.

Тогда я успокоилась и заснула. Спала в полудрёме, не ведая, сколько времени прошло. Вдруг сквозь сон услышала чей-то разговор. Голос показался знакомым, но веки были свинцовыми, и открывать их не хотелось. Я лишь насторожила слух, но разобрать слова не могла. Чудилось, будто говорит мужчина с сиплым, петушиным голосом. Когда он замолчал, Вэй Хуань тихонько рассмеялась и сказала:

— Князь Цзи опьянел. Принесите ещё одну порцию похмельного отвара.

Тут-то я и вспомнила, что Ли Жуй всё ещё здесь. Тяжесть с век как рукой сняло, тело стало лёгким. Я резко открыла глаза, села и сердито спросила:

— О чём это вы там за моей спиной?

Вэй Хуань обернулась:

— Проснулись?

Отложила то, что держала в руках, приблизилась, чтобы помочь мне. Я оттолкнула её и уставилась на Ли Жуя.

Тот усмехнулся:

— Я увидел, что она сидит здесь с книгой, и спросил, понимает ли она суть канонических текстов. Она не смогла ответить и, вместо того чтобы признать своё невежество, заявила, что я пьян. Ты проснулась как раз вовремя. Скажи-ка, что означает: «Путь Неба — не бороться, но побеждать; не говорить, но получать отклик; не звать, но приходить самому»?

Пусть он и не был прилежным учеником, но всё же учился много лет и заслужил похвалы от родителей и наставников. Знания Вэй Хуань были отрывочны: то самоучка, то подслушает что-то в домашней школе или Внутренней школе. Пусть она и была способной, с Ли Жуюем ей было не сравниться. Да и он цитировал «Лао-цзы» с такой уверенностью, что я заподозрила: а не ошиблась ли Вэй Хуань? Но признавать её ошибку я не желала и потому сказала:

— Откуда это? Кажется, слышала, но не помню.

Наша династия носила фамилию Ли, и считалось, что мы ведём род от Лао-цзы. Потому, когда нашёл государство, сделал даосизм государственным учением и повелел всем, начиная с князей, изучать «Лао-цзы». Даже мои кормилицы могли процитировать оттуда. Потому, едва я сказала, что не помню, Ли Жуй тут же сверкнул на меня глазами:

— «Лао-цзы» — основа нашей династии. Как ты, отпрыск дома Ли, можешь не помнить?

Я ответила:

— Сейчас у меня голова идёт кругом. Даже если это основа династии, ничего не вспомню. Дай мне сперва как следует отлежаться, а уж потом поговорим о заучивании текстов. Да и поздно уже. Тебе бы поскорее покинуть дворец — дело-то важное. А то ещё встретишь на дороге ту... тьфу.

Ли Жуй покачал головой, бормоча что-то вроде «гнилое дерево не выровнять», и вышел. Вэй Хуань собиралась проводить его, но, услышав, как я стону от головной боли, поспешила ко мне, чтобы помассировать виски. Я, удостоверившись, что Ли Жуй ушёл, перестала стонать, повалилась на кушетку и устремила на неё полузакрытые глаза. Её руки всё ещё сжимали мои виски, а пальцы были прохладными. Два года разницы между нами явно не прошли даром. Когда она наклонялась, ворот её одежды слегка распахивался, и под ключицей угадывались соблазнительные изгибы. От этого вида мне стало ещё жарче. Я оттолкнула её:

— Жарко.

Она, кажется, слегка раздосадовано вздохнула:

— Боялась я, как бы князь Цзи не повёз тебя в какое-нибудь непотребное место — пить да в цюйбо играть, безо всякой меры. Велела людям присматривать за вами хорошенько. А теперь вижу — всё без толку.

Я возразила:

— Мы не снаружи были, во дворце пили. В Цзяофан новую пляску поставили. Засмотрелась — и не заметила, как перебрала. Больше не буду. Ты не стой так, садись.

Я отодвинулась на фут и похлопала по краю кушетки.

Она ответила:

— У меня дела есть. Пусть служанки уложат тебя полежать.

Я ухватила её, не давая уйти:

— Я только сейчас вспомнила: мне есть что тебе сказать.

Вэй Хуань посмотрела на меня. А мне, на самом-то деле, и сказать-то было нечего — просто хотелось её задержать. Я почесала затылок, взяла её руки и выпалила:

— Ты... очень красивая.

Вэй Хуань глубоко вздохнула:

— Я откланиваюсь.

Я поспешно воскликнула:

— Право, есть дело!.. Э-э... Я велела принести кое-что извне. Помогите мне посмотреть, годится ли. Если годится... то отошли по штуке Цуй Второй и Цуй Шестой. И тебе тоже.

Я громко позвала тех, кто был при мне. Но те вошли и доложили:

— Ваше Величество уже щедро наградило того торговца холодной лапшой и отпустило его. То, что купили ранее, к нынешнему моменту уже подпортилось. Госпожа... всё ещё желаете передать госпоже Вэй?

Я опешила и только тогда вспомнила, что прошло уже несколько часов, и лэнтао, наверное, уже несъедобна. Разочарование и досада нахлынули на меня. Я насупилась:

— Раз подпортилось, вы чего же не сходите за новой порцией? Или раньше, когда он готовил, не отложили?

Вэй Хуань попыталась успокоить:

— Если уж так понравилось, завтра, как откроют ворота, пойдём и купим. Не стоит из-за одного дня расстраиваться.

Когда другие меня утешали, это было одно. Но от её слов мне стало ещё обиднее. Я махнула рукой, чтобы все вышли, сгорбилась, обхватив колени, и сидела, надувшись. Вэй Хуань присела на край кушетки, толкнула меня за плечо и сказала:

— Кстати, о торговце холодной лапшой. Я вспомнила — это тот, что на улице к югу от моста Тяньцзинь? Я его пробовала — не понравилось. Даже если бы принесли свежую, всё равно бы испортилась. Не стоит из-за неё гневаться. Но вообще-то лэнтао обычно едят в Холодную пищу. Почему её уже продают?

Я объяснила:

— Он же торговец. Если есть спрос, он и лёд в разгар зимы продаст. Что удивительного в том, что продаёт лэнтао во втором месяце?

Вэй Хуань усмехнулась. Видя, что мне жарко и я уже расстёгиваю одежду, она и вовсе помогла мне снять верхний халат. Затем взяла лежавший рядом круглый веер и принялась медленно обмахивать меня, говоря:

— Госпожа, вам не кажется, что в этом году жарче, чем в прошлом?

Скинув халат и под дуновением веера, я наконец почувствовала облегчение. Полулежа, пробормотала:

— Кажется, да.

Смутно чувствовала, что забыла о чём-то важном. Склонила голову, пытаюсь вспомнить, но тщетно. Тогда Вэй Хуань продолжила:

— В прошлом году была великая засуха, и в Гуаньчжуне цены на рис взлетели до небес. Если и в этом году будет так жарко, даже не знаю, насколько сильной окажется засуха.

Я тут же села, скрестив ноги по-турецки, и хлопнула себя по колену:

— Точно! В прошлом году уже была засуха. Если в этом будет ещё жарче, то и вовсе беда.

Вэй Хуань сказала:

— До дворца беда всё равно не дойдёт. К чему вам так тревожиться?

Но, произнеся это, она слегка сжала губы и тихо вздохнула. Я заметила, как она шевельнула рукой, и вдруг меня осенило:

— А у тебя дома... всё хорошо?

Вэй Хуань опустила голову и бесстрастно ответила:

— Хорошо ли, плохо ли — всё как обычно.

<http://bllate.org/book/16278/1466338>